

Письмо А. И. Куприна к Ф. Д. Батюшкову

Исповедник

(О роли евреев в русской литературе, и не только в ней одной)

От 18 марта 1909 года, посланное из Житомира¹

Чириков - (хотя у меня вышел не то **Водовозов**, не то **Измайлов**) - прекрасный писатель, славный товарищ, хороший семьянин, но в столкновении с **Шолом Ашем** он был совсем неправ. Потому, что нет ничего хуже полумер. Собрался кусать - кусай! А он не укусил, а только поплюнил.

Все мы, лучшие люди России (себя я к ним причисляю в самом-самом хвосте), давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот *избранный народ* столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы сознаем это, но во сто раз ужасней то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно иносказательно обругать царя и даже Бога, а попробуйте-ка еврея!?

Ого-го! Какой вопль и визг поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, адвокатов, докторов, и, особенно громко, среди русских писателей, ибо, как сказал один очень недурной беллетрист, **Куприн**; каждый еврей рождается на свет божий с предначертанной миссией быть русским писателем.

Я помню, что Ты в Даниловском возмущался, когда я, дразнясь, звал евреев жидами. Я знаю также, что Ты - самый корректный, нежный, правдивый и щедрый человек во всем мире - Ты всегда далек от мотивов боязни, или рекламы, или сделки. Ты защищал их интересы и негодовал совершенно искренне. И уж если Ты рассердился на эту банду литературной сволочи - стало быть, охалпели от наглости.

И так же, как Ты и я, думают, но не смеют об этом сказать, сотни людей. Я говорил интимно с очень многими из тех, кто распинается за еврейские интересы, ставя их куда выше народных, мужичьих. И они говорили мне, пугливо озираясь по сторонам, шепотом: «*Ей-Богу, надоело возиться с их болячками!*».

Вот три честнейших человека: **Короленко**, **Водовозов**, **Иорданский**. Скажи им о том, что я сейчас пишу, скажи даже в самой смягченной форме. Конечно, они не согласятся и обо мне уронят несколько презрительных слов, как о бывшем офицере, о человеке без широкого образования, о пьянице, ну! - в лучшем случае как об *infant terrible*². Но в душе им еврей более чужд, чем японец, чем негр, чем говорящая, сознательная, прогрессивная, партийная (представь себе такую) собака.

Целое племя из 10 тыс. человек каких-то айнов, или гиляков, или ороченгов, где-то на крайнем севере, перерезали себе глотки, потому что у них пали олени. Стоит ли о таком пустяке думать, когда у **Хайки Мильман** в Луцке выпустили пух из перины? (А ведь чего-нибудь да стоит та последовательность, с которой их били и бьют во все времена, начиная от времени египетских фараонов!) Где-нибудь в плодородной Самарской губернии жрут глину и лебеду - и ведь из года в год! Но мы, русские писатели, т.е. Ты, я, **Пошехонов**, **Водовозов**, **Гальперин**, **Шполянский**, **Городецкий**, **Шайкевич** и **Кулаков** испускаем вопли о том, что ограничен

прием учеников зубо-врачебных школ. У башкир украли миллион десятин земли, прелестный Крым обратился в один сплошной лупанарий, разорили хищнически древнюю земельную культуру Кавказа и Туркестана, обуздывают по-хамски европейскую Финляндию, сожрали Польшу как государство, устроили бойню на Дальнем Востоке - и вот, ей-богу, по поводу всего этого океана зла, несправедливости, насилия и скорби было выпущено гораздо меньше воплей, чем при «инциденте Чириков - Шолом Аш», выражаясь тем же жидовским газетным языком. Отчего? Оттого, что и слону, и клопу одинаково больна боль, но раздавленный клоп громче воняет.

Мы, русские, так уж созданы нашим русским Богом, что умеем болеть чужой болью, как своей. Сострадаем Польше, и отдаем за нее свою жизнь, распинаемся за еврейское равноправие, плачем о буре, волнуемся за Болгарию, или идем волонтерами к **Гаррибальди** и пойдем, если будет случай, к восставшим ботокудам. И никто не способен так великодушно, так скромно, так бескорыстно и так искренне бросить свою жизнь псу под хвост во имя призрачной идеи о счастье будущего человечества, как мы. И не от того ли нашей русской революции так боится свободная, конституционная Европа с **Жоресом** и **Бebelем**, с немецкими и французскими буржуа во главе.

И пусть это будет так. Тверже, чем в мой завтрашний день, верю в великое мировое загадочное предназначение моей страны и в числе ее милых, глупых, грубых, святых и цельных черт - горячо люблю ее безграничную христианскую душу. Но я хочу, чтобы евреи были изъяты из ее материнских забот. И, чтобы доказать Тебе, что мой взгляд правилен, я Тебе приведу тридцать девять пунктов.

Один парикмахер стриг господина и вдруг, обкорнав ему полголовы, сказал: «извините», побежал в угол мастерской и стал ссать на обои, и, когда его клиент окоченел от изумления, фигаро спокойно объяснил: «Ничего-с. Все равно завтра переезжаем-с». Таким цирюльником во всех веках и во всех народах был жид с его грядущим Сионом, за которым он всегда бежал, бежит и будет бежать, как голодная кляча за клочком сена, повешенным впереди ее оглобель. Пусть свободомыслящие **Юшкевич**, **Шолом Аш**, **Свирский** и даже **Васька Раппопорт** не говорят мне с кривой усмешкой об этом стихийном стремлении как о детском бреде. Этот бред им, рожденным от еврейки, еврея - присущ так же, как **Завирайке** охотничье чутье и звероловная страсть. Этот бред сказывается в их скорбных глазах, в их неискоренимом рыдающем акценте, в плачущих завываниях на конце фраз, в тысячах внешних мелочей, но главное - в их поразительной верности религии, а отсюда, стало быть, по свойствам этой религии - и в гордой отчужденности от всех других народов.

Корневые волокна дерева вовсе не похожи на его цветы, а цветы на плоды, но все они - одно и то же, и, если внимательно пожевать корешок и заболонь, и цветок, и плод, и косточку, то найдешь в них общий вкус. И если мы примем мишуреса из Проскурова, балагуду из Шклова, сводника из Одессы, фактора³ из Меджибожи, цадека из Крыжополя, ходеса из Фастова, баколяра, шмуклера, контрабандиста и т.д. - за корни, а **Волынского**⁴ с **Дымовым** и с **Ашкенази** за цветы, а Юшкевича с Дымовым за плоды, а их творения за семена - то во всем этом растении мы найдем один вкус - еврейскую душу, и один сок - еврейскую кровь.

А кровь - это нечто совсем особенное, как сказал Гете. У всех народов мира кровь смешанная и отликает пестротой. У одних евреев кровь чистая, голубая, 5000 лет храненная в беспримерной герметической закупорке. Но зато ведь в течение этих 5000 лет каждый шаг каждого еврея был направлен, сдержан, благословлен и одухотворен - одной религией! - от рождения до смерти, в еде, питье, спанье, любви, ненависти, горе и веселье. Пример единственный и, может быть, самый величественный во всей мировой истории. Но именно поэтому-то душа Шолома Аша и Волынского и душа Гайсинского меламеда мне более чужда, чем душа башкира, финна,

или даже японца.

Религия же еврея - и в молитвах, и в песнях, и в сладком шепоте матери над колыбелью, и в приветствиях, и в обрядах говорит об одном и том же каждому еврею: и бедному еврейскому извозчику, и саронскому цветку еврейского гения - Волынскому. Пусть в Волынском и в балагуде ее слова отражаются несколько по-разному.

Балагуда: *еврейский народ - «избранный» божий народ и ни с кем не должен смешиваться;*

Волынский и Аш: *еврейский народ - самый талантливый, с самой аристократической кровью;*

Балагуда: *но бог разгневался на него за его грехи и послал ему испытания в среде иноплеменных;*

Волынский и Аш: *исторические условия лишили его государственности и почвы и подвергли гонениям;*

Балагуда: *но он же пошлет Мессию и сделает евреев властителями мира.*

Волынский и Аш: *никакие гонения не сокрушили еврейства, и все лучшее сделано и будет сделано евреями.*

Но в сущности это один и тот же язык. И что бы ни надевал на себя еврей: ермолку, пейсы и лапсердак, или цилиндр и смокинг, крайний ненавистнический фанатизм, или атеизм и нищезанятие, беспросветную, оскорбленную брезгливость к гою (свинья, собака, гой, верблюд, осел, менструирующая женщина - вот «нечистое» нисходящими степенями по Талмуду), или ловкую теорию о «всечеловеке», «всебоге» и «вседуше» - это все от ума и внешности, а не от сердца и души.

И потому каждый еврей ничем не связан со мною: ни землей, которую я люблю, ни языком, ни природой, ни историей, ни потом, ни кровью, ни любовью, ни ненавистью. Потому что в еврейской крови зажигается ненависть только против врагов Израиля.

Если мы все - люди, - хозяева земли, то еврей - всегдашний гость. Он, даже, нет, не гость, а король - авимелех, попавший чудом в грязный и черный участок при полиции. Что ему за дело до того, что рядом кричат и корчатся пьяные избиваемые рабы? Что ему за дело до того, что на окнах кутузки нет цветов, и что люди, ее наполняющие, глупы, грязны и злы? И если придут другие, чуждые ему люди, хлопотать за него, извиняться перед ним, жалеть о нем и освободить его - то разве король отнесется к ним с благодарностью? Королю лишь возвращают то, что принадлежит ему по священному, божественному праву. Со временем, снова заняв и укрепив свой 5000-летний трон, он швырнет своим бывшим заступникам кошелек, наполненный золотом, но в свою столовую их не посадит. Оттого-то и смешно, что мы так искренне толкуем о еврейском равноправии, и не только толкуем, но часто отдаем и жизнь за него! Ни умиления, ни признательности ждать нам нечего от еврея. Так, **Николай I**, думая навеки осчастливить **Пушкина**, произвел его в камер-юнкеры.

Идет, идет еврей в Сион, вечно идет. Конотопский цуриц идет верой, молитвой, ритуалом, страданием. Волынский - неизбежно душою, бундом (сионизмом). И всегда ему кажется близким Сион, вот сейчас, за углом, в ста шагах. Пусть ум Волынского даже и не верит в сионизм, но каждая клеточка его тела стремится в Сион. К чему же еврею по дороге в чужой стране строить дом, украшать чужую землю цветами, единиться в радостном общении с чужими людьми, уважать чужой хлеб, воду, одежду, обычаи, язык? Все во сто крат будет

лучше, светлее, прекраснее там, в Сионе.

И оттого-то вечный странник, - еврей, таким глубоким, но почти бессознательным, инстинктивным, привитым 5000-летней наследственностью, стихийным кровным презрением презирает все наше, земное. Оттого-то он так грязен физически, оттого во всем творческом у него работа второго сорта, оттого он опустошает так зверски леса, оттого он равнодушен к природе, истории, чужому языку. Оттого-то хороший еврей прекрасен, но только по-еврейски, а плохой отвратителен, но по-всечеловечески.

Оттого-то, в своем странническом равнодушии к судьбам чужих народов, еврей так часто бывает сводником, торговцем живым товаром, вором, обманщиком, провокатором, шпионом, оставаясь честным и чистым евреем.

Вот мы и добрались до языка, а стало быть, сейчас будет и очередь Чирикова и его правоты.

Нельзя винить еврея за его презрительную, надменную господскую обособленность и за чуждый нам вкус и запах его души. Это не он - не Волынский, не Юшкевич, не **Малкин**, и не цадик, - а его 5000 лет истории, у которой вообще даже ошибки логичны. И если еврей хочет полных гражданских прав, хочет свободы жительства, учения, профессий и исповедания веры, хочет неприкосновенности дома и личности, то не давать ему их - величайшая подлость. И всякое насилие над евреем - насилие надо мной, потому, что всем сердцем я велю, чтобы этого насилия не было, велю во имя любви ко всему живущему, к дереву, собаке, воде, земле, человеку, небу. Ибо моя пантеистическая любовь древнее на сотни тысяч лет и мудрее и истиннее еврейской исключительной любви к еврейскому народу.

Итак, дайте им, ради Бога, все, что они просят, и на что они имеют священное право человека. Если им нужна будет помощь - поможем им. Не будем обижаться их королевским презрением и неблагодарностью - наша мудрость древнее и неуязвимее. Великий, но бездомный народ или рассеется и удобрит мировую кровь своей терпкой, пахучей кровью, или будет естественно (но не насильственно!) умерщвлен.

Но есть одна - только одна область, в которой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к ней еврей - вообще легко ко всему приспособляющийся - относится с величайшей небрежностью.

Кто станет спорить об этом?

Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращенных, нелепых и противных слов. Они создали теперешнюю ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюрятину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же, начиная от «свистуна» (словечко **Л. Толстого**) **М. Нордау**, и кончая засранным **Оскар Норвежским**, полезли в постель, в нужник, в столовую и в ванную к писателям.

Мало ли чего они еще не наделали с русским словом. И наделали, и делают не со зла, не нарочно, а из-за тех же естественных глубоких свойств своей племенной души - презрения, небрежности, торопливости.

Ради Бога, избранный народ! Идите в генералы, инженеры, ученые, доктора, адвокаты - куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который вам чужд, и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения.

А вы впопыхах его нам вывихнули и даже сами этого не заметили, стремясь в свой Сион. Вы его обоссали, потому что вечно переезжаете на другую квартиру, и у вас нет ни времени, ни охоты, ни уважения для того, чтобы поправить свою ошибку.

И так, именно так, думаем в душе все мы - не истинно, а - просто русские люди. Но никто не решился и не решится сказать громко об этом. И это будет продолжаться до тех пор, пока евреи не получат самых широких льгот. Не одна трусость перед жидовским галдением и перед жидовским мщением (сейчас же попадешь в провокаторы!) останавливает нас, но также боязнь сыграть в руку правительству. О, оно делает громадную ошибку против своих же интересов, гоня и притесняя евреев, ту же самую ошибку, которую оно делает, когда запрещает посредственный роман - и тем создает ему шум, а автору - лавры гения и мученика.

Мысль Чирикова ясна и верна, но как неглубока и несмела! Оттого она и попала в лужу мелких, личных счетов, вместо того, чтобы зажечься большим и страстным огнем. И проницательные жида мгновенно поняли это и заключили Чирикова в банку авторской зависти, и Чирикову оттуда не выбраться.

Они сделали врага смешным. А произошло это именно оттого, что Чириков не укусил, а поплюнил. И мне очень жаль, что так неудачно и жалко вышло. Сам Чириков талантливее всех их евреев вместе: *Аша, Волынского, Дымова, А. Федорова, Ашкенази и Шолом Алейхема*, - потому что иногда от него пахнет и землей, и травой, а от них всего лишь жидом. А он и себя посадил, и дал случай жидам лишний раз заявить, что каждый из них не только знаток русской литературы и русской критики, но и русский писатель, но что нам об их литературе нельзя и судить.

Эх! Писали бы вы, паразиты, на своем говенном жаргоне и читали бы сами себе вслух свои вопли. И оставили бы совсем-совсем русскую литературу. А то они привязались к русской литературе, как иногда к широкому, умному, щедрому, нежному душой, но чересчур мягкосердечному человеку привяжется старая, истеричная, припадочная блядь, найденная на улице, но по привычке ставшая давней любовницей.

И держится она около него воплями, угрозами скандала, угрозой отравиться, клеветой, шантажом, анонимными письмами, а главное - жалким зрелищем своей болезни, старости и изношенности.

И самое верное средство - это дать ей однажды ногой по заднице и выбросить за дверь в горизонтальном положении.

Целую,

P.S. сие письмо, конечно, не для печати, ни для кого, кроме Тебя.

P.P.S. Меня просит (**Рославлев**) подписаться под каким-то протестом ради Чирикова. Я отказался. Спасибо за ружье.

¹Копия письма **А. И. Куприна** к **Ф. Д. Батюшкову** от 18 марта 1909 г., посланного из Житомира. Хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН РФ. Фонд 20, ед. хран. 15.125.XСб 1. ([вернуться наверх страницы](#))

²Ужасный ребенок. ([вернуться к ссылке](#))

³Фактор - посредник, комиссионер. ([вернуться к ссылке](#))

⁴Волынский - псевдоним Флексера. ([вернуться к ссылке](#))